

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В ОБРАЗОВАНИИ

О. С. Боярских

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В ВОСПРИЯТИИ СТУДЕНТОВ

Данная статья посвящена изучению особенностей восприятия литературных прецедентных феноменов посредством проведения психолингвистического эксперимента. Результаты проведенного исследования позволяют автору описать комплекс факторов, обуславливающих специфику узнавания и понимания (интерпретации) современными студентами различных видов литературных прецедентов.

The article explores by means of a psycho-linguistic experiment the peculiarities of perception of precedent phenomena with the source-domain «Literature». The results of the experiment let the author describe a complex of factors which determine the specific character of recognizing and understanding (interpreting) different types of literary precedent phenomena by modern students.

Современная психология восприятия отличается разнообразием подходов, методов и частных концепций, имеющих задачей упорядочить непрерывно расширяющийся поток эмпирических данных. Известны десятки определений восприятия, которое рассматривается как функция анализаторов, процесс и результат построения образов, как особая способность и разновидность деятельности, как непосредственное впечатление и переработка информации и др. [1]. За этой множественностью скрываются два важнейших обстоятельства: многомерность данного класса психических явлений и отсутствие единой, общепринятой теории восприятия. И то и другое во многом обусловлено разнообразием объектов восприятия, попадающих в область внимания исследователей. Особое место среди данных объектов занимает *речь*. С учетом характерной для современной гуманитарной науки когнитивно-культурологической направленности интерес вызывают закономерности восприятия вербальных ментефактов, способных, с одной стороны, служить средством комплексной когнитивной обработки действительности, а с другой – отражать ценностные ориентации соответствующей лингвокультуры. К ним, безусловно, относятся прецедентные феномены – единицы, имеющие вербальное выражение, актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане, обращение к которым обнаруживается в речи значительной части представителей того или иного лингвокультурного сообщества [6, 8]. В качестве отдельных единиц системы прецедентных феноменов современными учеными выделяются имя (*Обломов, Колумб, Ломоносов*), высказывание

(*А ларчик просто открывался*), ситуация (*предательство Христа Иудой*), текст (*«Евгений Онегин», «Ой, мороз, мороз...»*) [5, с. 172–173; 3, с. 106–108]. За данными вербальными единицами стоят особого рода когнитивные структуры. Как отмечает А. А. Леонтьев, в языковом сознании носителя языка лишь формально, но не психолингвистически две словоформы могут соответствовать одной единице, одному «клише». Другими словами, формально *кот ученый* – то же, что *талантливый художник*. Но для носителя русского языка *кот ученый* выступает – благодаря Пушкину – как единое психолингвистическое целое [7, с. 93] и, согласно нашей терминологии, является прецедентным феноменом.

Очевидно, что источником прецедентности могут быть различные сферы культурного знания: литература, религия, история и др. В рамках данной статьи рассматриваются особенности восприятия литературных прецедентных феноменов (имен героев и писателей, цитат из художественных текстов, описательных отсылок к ним), т. е. таких, источником возникновения которых послужила художественная литература (прецедентные тексты и их авторы), ибо «литературоцентричность» является одной из отличительных черт русской культуры [3, 4 и др.].

Способом изучения особенностей восприятия указанных единиц был избран психолингвистический эксперимент с последующей обработкой полученных данных. Его участниками стали 80 студентов первых и третьих курсов, обучающихся по нефилологическим педагогическим и непедagogическим специальностям в Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии. Выбор данной группы информантов обусловлен, с одной стороны, отсутствием у ее членов специальной филологической подготовки, а с другой – предположительно высокой степенью общекультурной и речевой компетентности в связи с имеющимся статусом студента вуза. Материалом для составления анкеты явились выдержки из современных газетных и журнальных публикаций, содержащих литературные прецедентные феномены.

Известно, что восприятие речи является сложным и многомерным психическим процессом, в общем протекающим по тем же закономерностям, что и любой другой вид восприятия. Оно представляет собой рецепцию слышимых или зрительно воспринимаемых элементов языка, установление их взаимосвязи и формирование представления об их значении. При этом в деятельности речевосприятия можно выделить две ступени. Первая связана с собственно восприятием (опознанием), вторая – с пониманием речевого высказывания (его интерпретацией). Понимание определяется как расшифровка общего смысла, который стоит за непосредственно воспринимаемым речевым потоком, как процесс превращения фактического содержания воспринимаемой речи в стоящий за ней *смысл*. Под интерпретацией в данном случае следует иметь в виду вербализованную форму понимания. С учетом специфики данного эксперимента понимание и интерпретация оказываются весьма схожими понятиями, ибо судить о наличии / отсутствии понимания реципиен-

том смысла того или иного прецедентного феномена можно только на основании имеющейся интерпретации.

В связи с этим предложенные информантам задания состояли из нескольких блоков. В первом блоке необходимо было в текстовых фрагментах найти в большинстве своем немаркированные цитаты из художественных текстов или описательные (аллюзивные) ссылки на них, указать автора и название произведения, послужившего источником данных единиц. Данный блок состоял из двенадцати текстовых фрагментов, десять из которых содержали прецедентные феномены с источником из отечественной или зарубежной литературы, а два были «пустыми», т. е. не имеющими в своем составе интересующих нас единиц. Введение в анкету данных «пустых» текстов было обусловлено стремлением приблизить искусственно созданную ситуацию чтения газетных материалов к аналогичной естественной (ибо не во всех газетных текстах используются прецедентные феномены) и тем самым избежать «парадокса наблюдателя» [2]. Последний в данном случае связан с тем, что, имея установку на поиск определенных вербальных единиц в предложенных текстах, информант будет стремиться в каждом из них непременно найти искомое, а возможно, и не найти, а угадать. Сведения же о том, что не во всех фрагментах есть интересующие нас выражения, делает поиск более естественным и непринужденным.

Во втором блоке заданий было предложено восстановить первоначальную форму десяти трансформированных (переименованных) журналистами прецедентных высказываний, ибо при восприятии подобного выражения первоначальным этапом является сопоставление его с «каноническим», исходным. Участникам эксперимента следовало также предположить, каким проблемам были посвящены статьи, из которых извлечены данные выражения.

В третьем блоке было представлено шесть текстовых фрагментов с использованием литературных прецедентных имен (они были графически выделены). Информантам следовало объяснить, какую смысловую нагрузку, по их мнению, имеют выделенные имена, почему именно их автор включил в текст. Таким образом, первые два блока заданий были направлены преимущественно на изучение способности узнавать литературные прецедентные феномены (видеть их в тексте, устанавливать источник, восстанавливать первоначальную форму), отчасти – на умение интерпретировать языковой материал. Третий блок имел целью обнаружить специфику понимания литературных прецедентов с учетом их контекстного окружения. Подобное разделение является несколько условным, ибо «мыслительная работа охватывает восприятие со всех сторон: предваряя его, в него включаясь и над ним надстраиваясь» [9, с. 87].

Согласно положениям современной теории восприятия, наиболее простой формой осмысливания предметов и явлений является узнавание. Здесь восприятие тесно связано с памятью. Узнать предмет – значит воспринять его в соответствии с ранее сформированным образом. Узнавание может быть обобщенным, когда объект относится к какой-либо общей категории, и диф-

ференцированным (специфическим), когда воспринимаемый объект отождествляется с ранее воспринимавшимся единичным объектом. Как показали результаты эксперимента, в отношении литературных прецедентных феноменов процесс узнавания зачастую ограничивается обобщенным уровнем и не переходит на уровень дифференцированный. Другими словами, информанты способны увидеть в текстовом массиве немаркированные цитаты и аллюзивные ссылки на литературные произведения, но затрудняются с их паспортизацией (указанием источника). Так, например, студенты заметили интертекстуальный характер выражений *сапоги всмятку* (25%), *шагреновая кожа* (47,5%), *квартирный вопрос* (59%), *ветряные мельницы* (62%), *овсянка, сэр* (77,5%), *владелец заводов, газет, пароходов* (85%), *как феи на дне рождения спящей красавицы* (90%), *нет повести печальнее на свете* (94%), но лишь некоторые указали автора и название произведения. По каждому из данных выражений количество ответов, содержащих информацию об источнике заимствования, не превысило 40%, за исключением последнего (79%). Паспортизация данных единиц чаще всего ограничивалась указанием на отечественный или зарубежный характер прототекста и/или его жанровый признак (повесть, сказка, стихотворение). Практически все информанты выписали с указанием авторства литературные цитаты *умом Россию не понять* (95%), *гражданином быть обязан* (92,5%). Однако в отношении этих выражений мы столкнулись с феноменом ложно дифференцированного узнавания. Так, например, в качестве автора известной цитаты из стихотворения Тютчева назывались Некрасов (27,5%), Тургенев (21%), Пушкин (12,5%), а вместо Некрасова чаще всего фигурировало имя Маяковского (30%). Интересно, что в некоторых ответах содержались стихотворные продолжения данных цитат, однако высокая степень знакомства с поэтическим текстом не обеспечила точности определения его автора. Подобный высокий процент ложной дифференциации данных цитат связан, как это ни парадоксально, с их широкой употребительностью, с тем, что они известны еще со школьных уроков литературы и сейчас активно используются в различных СМИ. Это обуславливает восприятие подобных выражений в качестве штампов, отличающихся принципиальной нерелевантностью авторства. При попытке все-таки вспомнить источник информанты начинают перебирать авторов из школьной программы. Ситуация, когда информант признается, что он «не знает», «не помнит», «забыл» источник, является менее настораживающей, чем когда он пытается его угадать, ибо в последнем случае перемешанными оказываются не только авторы, принадлежащие к одной эпохе (Некрасов и Тургенев), но и те, творчество которых относится к различным историко-культурным периодам (Некрасов и Маяковский).

Анализ результатов по второму блоку заданий показал, что студенты не всегда способны дословно восстановить довольно известное выражение. Наличие различных вариантов (при имеющемся единственно верном) может быть обусловлено, как оказалось, несколькими причинами. Одна из них – сте-

пень знакомства с тем или иным выражением, которая (исключая случаи верных ответов) может быть нулевой (информант вообще не дал ответа) и частичной (выражение известно, но информант не знает его дословно, о чем свидетельствует предложенный им вариант). Так, например, в качестве исходного варианта для трансформированной цитаты *Утром – острова, вечером – отношения*¹ предлагались выражения «Утром – стулья, вечером – деньги/чеки» (вместо правильного *Утром – деньги, вечером – стулья*); для цитаты *Пусть сильнее грянет баррель*² – «Пусть сильнее грянет гром/выстрел/песня» (вместо *Пусть сильнее грянет буря*). Подобные частично верные ответы обусловлены семантической пропозицией и лексическим содержанием исходного и трансформированного выражений. Имея в качестве стимула переименованное выражение и не зная дословно первоначальное, информант ориентируется прежде всего на предложенную модель и ее лексическое наполнение. И если в ней реализуется какая-то определенная смысловая последовательность (*сначала – товар, а потом – плата*) или есть лексические указатели на семантику замещенного слова (глагол *грянет*), то информант улавливает эти «сигналы» и в соответствии с ними выстраивает свое предположение. Иногда эти «сигналы» оказываются настолько сильными, что, даже не встречаясь ранее с тем или иным выражением, информант безошибочно его угадывает. Так, в некоторых ответах в связи с восстановлением трансформированной цитаты *Как хорошо уметь считать*³ студенты писали: «Не знаю, *«Как хорошо уметь читать»*, наверное».

Данные нашего исследования подтверждают сформулированные О. П. Семенец выводы относительно зависимости возникающих ассоциаций от характера трансформаций: чем большему количеству трансформаций (лексических, структурных, грамматических) одновременно подвергается цитата, тем прозрачнее она становится для потенциального читателя [10]. Так, например, выражение *«Собственнику» звучит гордо. И выгодно*⁴ формирует ассоциативное поле преимущественно вокруг введенных журналистом лексем *собственник* и *выгодно*: «о частной собственности», «о приватизации», «о сдаче внаем квартир», «о том, что выгодно сейчас квартиру купить, а потом продать, так как цены на них растут» и др. Не будучи идентичными, данные интерпретации оказываются тематически весьма близкими, они совпадают с поднятыми в статье проблемами. Исключения составили единичные ответы тех информантов, которые акцентировали внимание на графическом оформлении слова *собственник* (в кавычках): «о выходе нового журнала, который дешевле, чем другие подобные». Иная ситуация наблюдается в отношении прецедентных высказываний, где произведенные журналистом замены не столь очевидны и не формируют необходимого ассоциативного поля. Напри-

¹ С. Репов, А. Фуфырин // *АиФ*, 2004, № 47.

² С. Минаев // *Коммерсант – власть*, 2005, № 34.

³ Е. Надрова // *Российская газета*, 2005, № 146.

⁴ И. Невинная // *Российская газета*, 2005, № 158.

мер, в цитате *Много шума или ничего?*¹ произошла замена предлога *из* на союз *или*, что изменило синтаксическую структуру предложения, но не способствовало формированию какого-то определенного смысла. В связи с этим предложенные студентами интерпретации были весьма разнообразны: «про депутатов», «про реформы», «про какой-нибудь громкий скандал», «про телевидение», «про разговоры о конце света», в то время как статья была посвящена знаменитой теннисистке Марии Шараповой. Тематически различные интерпретации были предложены также по поводу синтаксически трансформированного высказывания *Но если маразмы плодятся вопреки здравому смыслу, значит, это кому-нибудь нужно*². Таким образом, чем конкретнее семантика вводимых авторами статей слов (ср., например, *собственник*, *выгодно* и *маразмы*), тем однороднее, ближе к оригиналу интерпретации читателей.

Имеющиеся у информантов ассоциации с художественным текстом, послужившим источником того или иного прецедентного высказывания, также влияют на характер как восприятия самого высказывания, так и интерпретации содержания публикации. Так, для большинства участников эксперимента оказалась прозрачной связь трансформированной цитаты *Про рок и виждь, и внемли*³ со стихотворением Пушкина «Пророк», ибо оно изучается в курсе школьной программы и часто предлагается для заучивания наизусть. Это устранило возможные затруднения при восприятии устаревших слов и определило направление возникающих у информантов ассоциаций. Последние развивались по двум основным векторам: метатекстовому (актуализировалась имеющаяся в тексте статьи сегментация слова *пророк*) и прототекстовому (сегментация учитывалась, но значение слова воспринималось в соответствии с пушкинским текстом). В первом случае студенты писали, что речь идет «о музыкальном направлении, в котором важна не только сама музыка, но и зрелищность», во втором – «о чьей-нибудь жизни, судьбе, которой можно восхищаться», «о трагическом случае из жизни, знание которого предостережет других от похожих ошибок».

Ответы по третьему блоку заданий также демонстрировали разнообразие возникающих ассоциаций. Характер восприятия прецедентного имени был обусловлен спецификой его когнитивной структуры. Как отмечают современные исследователи, в когнитивной структуре прецедентного феномена можно выделить следующие составляющие: дифференциальные признаки, атрибуты и оценку. Например, дифференциальными признаками прецедентного имени *Дон Кихот* являются наивность, неадекватность реакции, благородство, смелость и др.; атрибутами – цирюльный таз, любовь к Дульсине; оценка его – снисходительно-положительная [6, с. 64]. Актуализация в тексте дифференциального признака может быть имплицитной (без его прямой но-

¹ А. Ерастов // Труд-7, 2005, № 118.

² А. Ягодкин // Новая газета, 2005, № 30.

³ П. Костенко // Новая газета, 2005, № 27.

минации) или эксплицитной. Наибольший интерес с точки зрения изучения особенностей читательского восприятия представляют случаи имплицитной актуализации, когда читателю необходимо самостоятельно выделить наиболее важный для данного контекста признак, чтобы определить интенции автора. Данное выделение является, с одной стороны, показателем интерпретативных способностей реципиента, а с другой – свидетельствует о месте прецедентного имени в когнитивном пространстве читателей, о его ядерном или периферийном положении. В случае ядерного расположения прецедентного имени большинство информантов предложили вполне соответствующие контексту интерпретации. Так, например, в тексте *Русскую литературу учат вместе со всей международной, так что дедушке Толстому достается всего два часа* (о школьном образовании на Украине)¹ студенты выделяли такой признак, как «сложные, объемные и потому требующие времени для изучения произведения». Если же прецедентное имя не было окружено необходимым количеством фоновых знаний, то определение его смысловой нагрузки вызывало значительные трудности. В этом случае информанты либо вовсе не давали ответов (подавляющему большинству оказалось незнакомо имя английского писателя-антиутописта Дж. Оруэлла), или их ответы отличались разнообразием предложенных интерпретаций. Так, например, в тексте *Россия – не родина братьев Гримм, здесь прав всегда тот, кто ожидает худшего исхода в любом деле*² актуализированными дифференциальными признаками имени братья Гримм являются **Германия** и **авторы сказок**, ибо Германия в сознании россиян ассоциируется со стабильностью, а сказка – со счастливым концом. Для России, по мнению автора статьи, эти признаки не актуальны. Если второй признак входил в пространство имеющихся у студентов фоновых знаний, то первый, как оказалось, нет. Это обусловило такие неполные или вовсе не адекватные контексту ответы, как «в сказках всегда все заканчивается хорошо, а в России – нет», «это известные зарубежные писатели, они писали сказки, которые в России очень известны, поэтому их можно считать русскими». В отдельном случае интерпретация вообще получила весьма неожиданный характер – имя *братья Гримм* вызвало у информанта ассоциацию с популярной в России музыкальной группой: «Гримм – это попса, а Россия, хоть и не является ее родиной, вся наполнена ею».

Несмотря на ядерное положение в когнитивном пространстве, прецедентное имя может иметь различные варианты интерпретаций, если оно употреблено метафорически и за ним стоит комплекс возможных ассоциаций. Так, в тексте *Мария Шарапова. Кричащая Золушка*³ предложенные информантами ответы имели различные ассоциативные векторы. В одних случаях в качестве основания для интерпретации выступали дифференциальные при-

¹ А. Ульянова // *АиФ*, 2004, № 46.

² М. Глобачев // *Новое время*, 2005, № 1–2.

³ Р. Бекназар-Юзбашев // *Новое время*, 2004, № 52.

знаки имени *Золушка*: «Золушка – это красивая, миниатюрная девушка. Мария Шарапова такая же, но она кричит о своих успехах», «у Шараповой внешность Золушки, но она громко кричит во время матчей». Очевидно, что подобная вариативность была обусловлена многозначностью глагола *кричать*, т. е. метатекстом. В других случаях актуализировался атрибут этого имени – связь с прецедентной ситуацией: «девушка из российской глубинки стала звездой мирового масштаба благодаря своему трудолюбию», «Шараповой, как и Золушке, повезло». Последние варианты явились следствием различной интерпретации литературной прецедентной ситуации, т. е. прототекстом.

Вариативность интерпретаций литературного прецедентного имени связана также с разнородностью окружающих его оценок. Так, например, в тексте *По прежним местам службы его* [М. Фрадкова, председателя правительства РФ] *характеризуют как осмотрительного человека, тщательно выверяющего свои слова и решения, корректного и скорее приятного, чем жесткого. Что-то вроде Павла Ивановича Чичикова без криминальных наклонностей*¹ многие информанты считали имеющуюся оценочность исключительно положительной: «значит, Фрадков весьма умный чиновник», «такой же, как литературный герой, жесткий, но приятный», «педантичный и точный». Конечно, ответы типа «Фрадков, как и Чичиков, непонятный, скрытный, но внешне милый» тоже встречались, однако их было меньше (45% и 55% соответственно). Изменение оценочной характеристики образа литературного героя (вопреки имеющемуся официальному и традиционному варианту) свидетельствует о динамике базовых компонентов когнитивного пространства носителей русского языка, обусловленной идеологией современного общества.

Таким образом, при восприятии литературных прецедентных феноменов релевантными оказываются две группы факторов. Первая связана с созданием воспринимающего субъекта: степенью знакомства с тем или иным прецедентным феноменом, наличием / отсутствием фоновых литературных знаний. Вторая – со спецификой самого прецедентного знака и характером его употребления: связью (или ее отсутствием) с текстом-источником, особенностью произведенных трансформаций, лексическим окружением. При этом в процессе узнавания прецедентного феномена, выделения его из текстового массива актуализируется прежде всего память читателя, его литературная компетентность, при понимании (интерпретации) существенное значение приобретают и текстовые факторы.

Литература

1. Барabanщиков В. А. Основные направления и тенденции развития психологии восприятия // Психология восприятия: Материалы советско-норвежского симпозиума – М.: Наука, 1989. – С. 5–14.

¹ Ю. Александров // Новое время, 2004, № 52.

2. Гришаева Л. И. Прецедентные феномены как культурные скрепы (к типологии прецедентных феноменов) // Феномен прецедентности и преемственность культур / Под общ. ред. Л. И. Гришаевой, М. К. Поповой, В. Т. Титова. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004. – С. 15–46.
3. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 288 с.
4. Кондаков И. В. Антропология русской словесности: литературоцентризм // Современные трансформации российской культуры / Отв. ред. И. В. Кондаков. – М.: Наука, 2005. – С. 394–403.
5. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: ИТДК «Гнозис», 2003. – 375 с.
6. Красных В. В., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Багаева Д. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестн. Моск. ун-та. – Сер. 9. – Филология. – 1997. – № 3. – С. 62–75.
7. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. – М.: Смысл, 1997. – 287 с.
8. Нахимова Е. А. О критериях выделения прецедентных феноменов в политических текстах // Лингвистика: Бюл. Урал. лингвист. о-ва. – Екатеринбург: УрГПУ, 2004. – С. 166–174.
9. Рубинштейн С. А. Основы общей психологии. – В 2 т. – М.: Педагогика, 1989. – Т. 2. – 285 с.
10. Семенец О. П. Прецедентный текст в языке газеты: динамика дискурса 50–90-х гг.: Дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2004–225 с.